

Умение Ли Цзина огорошить словом принесло свои плоды: Чэн Си умудрился споткнуться так «удачно», что угодил прямиком в лекарственную обитель.

Устроившись на постели и уложив поврежденную ногу на подвес, он ощутил удивительное умиротворение. Пожалуй, это было даже избавлением. Наотрез отказавшись принимать визитеров — среди которых числились и Цзин Сяохань, и Жун Ин, — Чэн Си блаженно затих на подушках, превратившись в на редкость довольную и ленивую тушку.

Возвращаться в класс Созвездия не хотелось совершенно. Чэн Си твердо решил: уйти должен либо он, либо эти двое главных героев. Третьего не дано. В голову даже закралась малодушная мысль: а не дожидаться ли возвращения Бессмертного лекаря да не попроситься ли к нему в ученики? Будет толочь травки в ступке, освоит ремесло — глядишь, если жизнь прижмет и придется пойти по миру, хоть на кусок хлеба всегда заработает.

В итоге Чэн Си безвылазно провалялся в постели целый месяц, уподобляясь искусному симулянту. Стоило Янь Цингуану заглянуть к нему, как он тут же натягивал одеяло до самого носа и жалобно стонал:

— Старший брат, нога ноет немилосердно, боюсь, мне нужно еще полежать...

Или:

— Братец Янь, в голове так и гудит, должно быть, это внутреннее повреждение. Позволь мне еще немного восстановить силы.

Отговорок у него припасалось великое множество, одна нелепее другой.

Янь Цингуан лишь качал головой — поделаться с этим упрямцем он ничего не мог. Поскольку учитель все еще отсутствовал, старшему ученику пришлось пойти на компромисс. Он взял с Чэн Си честное слово: лежать — лежи, но домашние задания выполняй в срок. К тому же учитель должен вернуться недели через четыре, и уж к его-то приезду прогульщику волей-неволей придется явиться на занятия.

Чэн Си с радостью согласился. С тех пор его жизнь превратилась в сущую благодать: спал он до полудня, лениво полистывал трактаты с духовными письменами и твердо вознамерился не переступать порог обители до последнего дня.

От скуки он принялся заплетать косы Ли Цзину. Начав с обычных колосков, Чэн Си вскоре перешел на изящные пучки. Но когда сложность парикмахерского искусства возросла до невероятных двойных колец, от которых Ли Цзин окончательно впал в уныние, до обитателей академии наконец дошло, что период «реабилитации» растянулся сверх всякой меры.

И вот в одну из глухих, безлунных ночей наглый визитер, наплевав на защитные барьеры,

бесшумно перемахнул через забор лекарственной обители.

— Эй, гулять идешь? Сегодня в городе ярмарка фонарей.

Шэнь Синхэ, которого Чэн Си не видел уже вечность, воровато заглядывал в окно, напоминая профессионального домушника. Вся его благородная домашняя выучка и хваленая вежливость, похоже, полетели к чертям.

Чэн Си в этот момент как раз увлеченно крутил Ли Цзину очередную прическу. Створки распахнулись так внезапно, что он едва не подпрыгнул от испуга. Молниеносным движением он сгреб персикового человечка вместе с гребнем и запихнул глубоко в рукав. Не успело его сердце успокоиться, как из-за плеча Шэнь Синхэ высунулась еще одна любопытная физиономия.

— Брат Жун сегодня взял первенство на состязаниях! Идем с нами, нужно это отпраздновать!
— заговорщицки прошептал Бай Хэншэн.

— Я угощаю, — подал голос Е Хуайань. Постукивая складным веером по оконной раме, он подмигнул Чэн Си. Позади этой троицы, небрежно скрестив руки на груди, стоял Жун Ин в простом черном одеянии.

Чэн Си перевел взгляд на непроглядную темень за окном, потом покосился на темную комнату старшего брата по соседству. Секундное колебание — и он, наспех накинув повседневный халат и закатав рукава, полез прямо через подоконник.

— Иду, иду! Братья, подождите меня!

— Целый месяц носа на улицу не показывать, как ты только со скуки не помер! — хмыкнул Шэнь Синхэ.

Подростки дружно подхватили Чэн Си под мышки и ловко вытащили во двор. Миновав посты охраны и обойдя все ловушки, они с помощью нехитрого заклинания взломали запретную печать академии и вихрем помчались вниз по склону горы.

— Сегодня же Праздник Высоких Небес, день рождения Божественного Владыки! Говорят, даже на Тройных Небесах зажгут праздничные огни на всю ночь! В академии со завтрашнего дня объявили три дня отдыха, так что, если нас и не хватятся до утра, никто ничего не заметит!

— А если поймают?

— Ну, заставят переписывать свитки, стоять на коленях в храме да мести улицы. Подумаешь, делов-то — всего три месяца с метлой наперевес!

Юноши нарядились в свои лучшие праздничные одежды. Ткани переливались в лунном свете, шелковые ленты в волосах покачивались в такт шагам, а заколки отливали золотом — настоящая стайка хвастливых павлинов. Чэн Си окинул взглядом свой скромный, наспех наброшенный халат, затем посмотрел на Жун Ина, шедшего рядом в простом темном одеянии и заворуженно разглядывавшего огни.

«Не дело это! — подумал Чэн Си. — Такой красавец — и в столь невзрачном виде? Это же преступление против прекрасного!»

Он ухватил Жун Ина за рукав и бесцеремонно увлек за собой в лавку готового платья.

— Быстрее! Поможешь мне выбрать наряд!

Жун Ин нахмурился, собираясь отказаться, но остальные трое, предвкушая веселье, дружно втолкнули его внутрь.

— Примеряй, примеряй скорее! Я только что видел на улице Ин Лина с его свитой. Ишь, расфуфырились, девиц за собой водят. Мы обязаны утереть им нос! — Е Хуайань воинственно сжал кулаки.

— Что такое? Опять с кем-то повздорил? — любопытствовал Чэн Си, высунув голову из-за ширмы.

— На сегодняшнем турнире этот прохвост исподтишка столкнул его с помоста, — со смехом пояснил Шэнь Синхэ, перебирая вешалки с одеждой. — Наш Хуайань опозорился на глазах у всей толпы и теперь жаждет мести. Хозяин, принесите-ка самое дорогое, что у вас есть!

— Если бы я проиграл в честном бою, я бы слова не сказал! Но ведь победа была у меня в кармане! — Е Хуайань сердито заскрежетал зубами. — Ин Лин — подлый, трусливый гад!

— Да ладно тебе, Жун Ин потом знатно за тебя оплатил. Всего за два приема швырнул его с помоста так, что тот носом землю пропахал, — утешил друга Бай Хэншэн, примеривая разноцветные ленты. — Вот эта пойдет! Хозяин, заверните!

Жун Ина загнали в примерочную и принялись крутить так и сяк, отчего тот едва не закатывал глаза к потолку. Чэн Си тем временем придирчиво осматривал стеллажи, пока его взгляд не зацепился за роскошный алый халат. По краям шла искусная вышивка золотой нитью, в складках которой угадывались очертания парящей Красной Птицы — яркой, живой, пламенной.

— Вот это! — Чэн Си хлопнул ладонью по прилавку. — Примерь именно это!

Чутье его не подвело. Когда Жун Ин вышел к друзьям в новом облачении, в лавке на мгновение

воцарилась абсолютная, благоговейная тишина.

— Невероятно... — выдохнул наконец Е Хуайань. — До чего же хорош!

Пятеро молодых господ покинули лавку, и улица словно стала еще ярче от их присутствия. Прохожие невольно оборачивались им вслед. Вокруг шумела ярмарка, маня ароматами уличной еды. У Чэн Си, который целый месяц питался пресными больничными отварами, потекли слюнки при виде лотков со сладостями. Но, вспомнив о своем слабом теле, он лишь тяжело вздохнул.

В этот момент Жун Ин небрежно бросил ему какой-то флакон. Чэн Си едва успел поймать его обеими руками. Посмотрев на находку, он обнаружил изящный сосуд размером с палец, выполненный в виде нераспустившегося бутона.

— Нефритовая Роса Божественных Небес, — тихо произнес Жун Ин. — Этого флакона хватит, чтобы сегодня ты мог есть все, что твоей душе угодно.

Этот эликсир был редчайшим сокровищем Тройных Небес. Стоил он баснословных денег, и даже в академию его поставляли в весьма ограниченных количествах для восстановления духовных сил лучших учеников. Обычному человеку вроде Жун Ина с его безупречными меридианами эта роса была ни к чему, а вот для Чэн Си с его хрупким здоровьем она стала истинным спасением.

По крайней мере, теперь он мог отведать земных яств и не мучиться потом от невыносимой боли.

И все же использовать такое бесценное лекарство вместо банальной микстуры для пищеварения было верхом расточительства.

Не успел Чэн Си проникнуться благодарностью, как праздничную атмосферу нарушил язвительный голос.

— Надо же, стайка деревенщин впервые выбралась в свет, — раздался из толпы высокомерный смешок.

Чэн Си поднял глаза и увидел на противоположной стороне улицы группу молодых людей в дорогих одеждах. В самом центре стоял юноша в сияющем золотом халате, глядя на них с нескрываемым презрением. Это был Ин Лин.

— Ты чего разлалялся, Ин Лин? — Е Хуайань резко взмахнул веером и процедил сквозь зубы: — Днем земли на арене мало наелся, решил теперь ночную мостовую перекусить?

— Это и есть тот самый Ин Лин? — шепнул Чэн Си на ухо Бай Хэншэну.

Тот кивнул:

— Молодой глава Башни Светлой Луны над Лазурным Морем. Редкостный пакостник, мстительный и грязный на язык. Днем Брат Жун уложил его на лопатки, вот он теперь и ищет повод отыграться.

— И как они собираются это сделать? — спросил Чэн Си. — Прямо здесь, посреди улицы? Но ведь за драку городская стража живо упечет за решетку.

— До этого не дойдет, — покачал головой Бай Хэншэн. — Они предложат подняться на Помост Борьбы Облаков.

Эта забава была традиционным состязанием на Празднике Высоких Небес. Градоначальник выставял ценный приз на высоком помосте, и любой желающий мог попытаться забрать его. Правила были просты: драться без применения магии, не касаться земли и не наносить смертельных ран. Победителем объявляли того, кто первым сорвет награду.

Вдали послышался торжественный перезвон колоколов и рокот барабанов. Из-за поворота длинной улицы медленно выплыла великолепная воздушная ладья, окутанная клубами белого тумана. На ее палубе, стилизованной под облачную террасу, молодой заклинатель в расшитых золотом одеждах исполнял ритуальный танец с мечом. С каждым его движением тысячи нашитых на рукава золотых пластин вспыхивали, подобно брызгам утренней росы, издавая чистый, мелодичный звон.

Толпа внизу взорвалась ликующими криками.

— Слава Божественному Владыке!

— Да ниспошлют Небеса мир нашей земле!

— Смотрите! Вот и награда!

На корме ладьи танцор поднял над головой полупрозрачный цветок, напоминающий распустившийся бутон ночной белладонны, и аккуратно опустил его в хрустальную вазу, подвешенную на тончайших шелковых нитях. Лепестки цветка слабо затрепетали, отбрасывая вокруг радужные блики.

— Главный приз сегодняшней ночи — Цветок Столистного Зелёного Сандала!

Едва прозвучали эти слова, Ин Лин, споривший с Е Хуайанем, резко оттолкнулся от земли и взмыл в воздух:

— Свидетелем нам будет этот Цветок Столистного Зелёного Сандала! Кто проиграет — тот при всех назовет победителя отцом!

Е Хуайань сбросил с плеч мешающий верхний халат, бросив его друзьям, и устремился следом:

— Ну держись, щенок! Сегодня ты у меня взвоешь!

В мгновение ока тихая улица превратилась в поле боя. Юноши прыгали по крышам, цеплялись за праздничные фонари и натянутые канаты, пытаясь добраться до заветной вазы. Е Хуайань держался достойно, тесня соперника и шаг за шагом приближаясь к цели. Однако приспешники Ин Лина, позабыв о чести, навалились на него скопом. Видя это, Шэнь Синхэ и Бай Хэншэн переглянулись и тоже ринулись в гущу схватки.

Помост Борьбы Облаков превратился в настоящую свалку между учениками Академии Духовной Горы и челядью Башни Светлой Луны. Подростки носились среди канатов, вымещая старые обиды. Зрители внизу шумно подбадривали бойцов. Чэн Си, оставшийся внизу, из-за своего невысокого роста никак не мог разглядеть происходящее за спинами толпы.

— Держись крепче, — негромко произнес оказавшийся рядом Жун Ин.

Прежде чем Чэн Си успел что-то ответить, Жун Ин подхватил его под мышки и одним легким движением взлетел на черепичную крышу ближайшего трактира. Отсюда открывался великолепный вид. Наверху дела парней шли неважно: численное преимущество было на стороне противника, и Ин Лин со своими прихвостнями уже зажал Е Хуайаня на краю барьера. Чэн Си, загоревшись азартом, потянул Жун Ина за рукав:

— Они сейчас проиграют! Жун Ин, помоги им! Не хватало еще, чтобы Е Хуайань при всех называл этого индюка отцом!

— Не проиграют. Стой здесь и не падай, — бросил Жун Ин и алым росчерком устремился вверх.

Налетевший порыв ветра взметнул его ярко-красные одежды. В этом облачении он был ослепительно, почти пугающе красив — словно древний дух, снизошедший в мир смертных. Тонкой ступней он наступил на натянутую шелковую нить, мимоходом отправив одного из нападавших в затяжной полет на мостовую.

— Е Хуайань, подлец! Ты позвал Жун Ина! — взвыл Ин Лин.

— А нападать восьмером на троих — это, по-твоему, благородно?! — выкрикнул в ответ Е Хуайань, отвесив противнику увесистую затрещину.

Видя, что Жун Ин вот-вот достигнет цель, Ин Лин в отчаянии закричал своим людям:

— Рубите канаты! Не дайте ему дотянуться!

Его приспешники послушно бросились перерезать удерживающие вазу нити. Зрители на улице ахнули, когда хрустальный сосуд покачнулся и полетел вниз. Жун Ину не на что было опереться в падении. Оглядевшись по сторонам, Чэн Си заметил на балконе второго этажа стайку благородных девиц с корзинами цветов. Он подбежал ближе и с самой очаровательной улыбкой обратился к одной из них:

— Прекрасная дева, позволь мне позаимствовать твой цветок!

Не дожидаясь ответа, он выхватил из корзины пышный бутон пиона и точным броском отправил его прямо под ноги падающему Жун Ину. Тот, уловив траекторию полета, едва заметным касанием оттолкнулся от летящего цветка, взмыл к самой вершине помоста и легким движением руки перехватил падающий Цветок Столистного Зелёного Сандала. Обернувшись в воздухе, он щелчком пальцев отправил драгоценный трофей Чэн Си. Тот поймал его на лету, и его глаза засияли восторгом:

— Мы победили!

Оглушительный рев восторженной толпы, казалось, всколыхнул ночные облака. Жун Ин плавно опустился на крышу, где на него тут же пролился целый дождь из брошенных восторженными горожанками цветов. Он стоял посреди этого благоухающего хаоса, растерянно держа в руках охапку пионов и астр.

Над праздничной площадью, вторя переливам лютни, зазвучал чистый женский голос, поющий старинный мотив:

* «Восточный ветер за ночь зажег деревья тысячей цветов...»*

— Ин Лин! Живо зови меня отцом! — победно орал Е Хуайань. Его соперник, растрепанный и злой, стоял посреди улицы, тщетно пытаясь отряхнуть помятый золотой халат.

— С какой стати?! — огрызался Ин Лин. — Не ты же цветок сорвал!

Пока подростки шумно выясняли отношения, в окне соседнего чайного домика с треском распахнулись ставни. Оттуда высунулся рассерженный старец с пышной белой бородой и зычным голосом проревел на всю улицу:

— Ин Лин! Е Хуайань! Какого черта вы делаете в городе?! Как вы выбрались из академии?!

Чэн Си в ужасе обернулся и встретился взглядом с директором академии, который мирно пил чай в компании преподавателей. Заметив Чэн Си, старик нахмурился еще сильнее:

— И ты здесь, негодник! Думаешь, я не знаю, что ты уже месяц симулируешь болезнь и не ходишь на занятия?!

* «... И звезды сыплются дождем с небесных берегов»*

Чэн Си поспешно закрыл лицо широким рукавом:

— Директор, вы обознались! Это не я!

* «Летят кареты в темноте, струится аромат...»*

Понимая, что дело пахнет керосином, Чэн Си поспешил ретироваться. Он побежал по черепице, оступился на краю крыши и полетел вниз, но Жун Ин вовремя подхватил его на руки, бережно опустив на землю.

Компания беглецов бросилась врассыпную, спасаясь от гнева наставников.

* «... И рыбы-драконы в вышине всю ночь в огне кружат»*

В ту благословенную ночь Праздника Высоких Небес Линчжоу сиял, словно сказочный град. На десять ли вокруг улицы Красной Птицы утопала в море огней. Молодые заклинатели в шелковых одеждах проносились сквозь толпу, а вслед им летели цветы из окон веранд.

Убегая от погони, Чэн Си умудрился собрать целую охапку пышных пионов. На бегу он со смехом бросал их обратно на балконы девицам:

— Сестрицы, пощадите! Мой старший брат приехал сюда выпить вина, а не искать невесту! Если вы продолжите бросать цветы, нашу улицу придется переименовать в Пионовую!

Прохожие весело хохотали, а молодые горожанки, прикрываясь веерами, шутливо кричали ему вслед:

— Ах, какой забавный юноша! Может, ты сам не прочь жениться? Идем с нами, мы тебя приютим!

— Нет-нет, я еще слишком мал для этого! — смеясь, отмахивался Чэн Си, лавируя в праздничной толпе.

Директор академии проводил взглядом улетающих учеников и в сердцах осушил кубок вина:

— Какое безобразие! Совсем распустились, обормоты! Никакого почтения к старшим!

— Оставь их, — негромко произнес сидевший в тени мужчина в темном халате. Покрутив в пальцах упавший на стол лепесток пиона, он тихо усмехнулся: — Молодость дается лишь однажды, а цветы не цветут дважды. Пусть порадуются.

Жун Ин сегодня пребывал в на редкость благодушном настроении.

Духовная Бездна дала трещину, часть нечисти вырвалась на свободу, а на границе округа Небесного Равновесия зашевелились древние печати. Из-за этого Цзин Сяоханю пришлось спешно собирать вещи — уже завтра он отправлялся в мир смертных на годовую службу.

Тот, кто вызывал у него лишь раздражение, наконец-то убирался с глаз долой. Одно это не могло не радовать.

К тому же на сегодняшнем испытании он без труда одолел всех соперников, знатно проучил кучку спесивых бездельников и вытребовал у директора драгоценную Нефритовую Росу в качестве награды.

Да и праздничная улица Красной Птицы сейчас выглядела волшебной.

Мерцание фонарей, охапки цветов у ног — в своей прошлой, полной крови и предательства жизни он никогда не видел ничего подобного.

Чэн Си бежал впереди, и его белые одежды развевались, напоминая легкое предрассветное облако.

Е Хуайань снял просторную комнату в лучшем трактире на улице Красной Птицы. Скрывшись от погони, пятеро друзей наконец перевели дух и, глядя на растрепанный и нелепый вид друг друга, дружно расхохотались. Забравшись на самую верхнюю террасу, они заказали кувшины дорогого вина, к которому раньше не смели даже прикасаться, и принялись шумно праздновать победу. Никто из них толком не умел пить, поэтому захмелели они подозрительно быстро.

Е Хуайань, вооружившись палочками для еды, выстукивал ритм по краю фарфоровой чаши, и этот чистый звук сливался с доносившимся с улицы «Лазурным Нефритовым Столиком». Бай Хэншэн нестройным голосом подтягивал ему в такт. Шэнь Синхэ, пошатываясь, вытащил меч и принялся чертить им в воздухе замысловатые узоры, едва не задевая мебель. Один неловкий взмах — и лепестки пионов усеяли весь стол, точно хлопья розового снега.

— Мы... мы обязательно прославимся на весь мир! — пьяно бормотал он.

— Точно! Будем защищать слабых и истреблять демонов! — вторил ему Бай Хэншэн.

Подростки шумели и дурачились, постепенно сползая под стол. Чэн Си, сделав лишь несколько скромных глотков, сидел в углу террасы и с улыбкой наблюдал за ними. Ли Цзин, укрывшись в складках его широкого рукава, тоже посматривал на эту пьяную компанию. Взгляд его деревянных глаз был задумчивым и грустным. Наконец он тихо вздохнул:

— Знаешь, что самое забавное? За этим столом, если не считать Жун Ина, сидят одни мертвецы. Хотя погоди... Жун Ин ведь в своей прошлой жизни тоже погиб.

— Это называется «обмануть судьбу», — негромко отозвался Чэн Си, тихонько покачивая головой в такт песне. — Обычное дело для главных героев.

Ли Цзин лишь горько усмехнулся в ответ.

Ближе к полуночи хмель окончательно сморил уставших подростков, и они уснули прямо на полу веранды. Чэн Си, не любивший спать на жестком, перебрался в уютную боковую комнату и растянулся на мягкой кушетке.

Жун Ин, осушивший в одиночку три кувшина крепкого вина «Весна Персикового Цвета», чувствовал, как хмель приятно туманит разум. Огни ярмарки перед его глазами расплывались, превращаясь в сплошной золотистый поток. Все происходящее казалось ему прекрасным, но нереальным сном. Прошлая жизнь, полная боли и предательства, на мгновение отступила, уступив место этому тихому теплу.

Ему отчаянно хотелось услышать от кого-то подтверждение, что все это происходит наяву.

Окутанный сладким ароматом персикового вина, Жун Ин покачиваясь вошел в комнату, где отдыхал Чэн Си. Его длинные черные волосы растрепались, рассыпавшись по плечам, а алый халат помялся. Он опустился на край кушетки, заставив шелковые простыни жалобно зашуршать.

В комнате царил полумрак, нарушаемый лишь слабым светом уличных фонарей. Чэн Си приоткрыл глаза и увидел склонившегося над ним Жун Ина. Лицо того горело лихорадочным румянцем, а взгляд казался затуманенным.

— Чэн Си, — тихо позвал он.

Поняв, что перед ним мертвецки пьяный главный герой, Чэн Си мгновенно подобрался и насторожился:

— Чего тебе?

— Погадай мне, — Жун Ин разжал ладонь, и по деревянному полу со звоном покатались старинные медные монеты. Он прислонился спиной к стене и прошептал: — На мое будущее...

Чэн Си вздохнул. Глядя на непривычно беззащитного Жун Ина, он покачал головой, поднял монеты и, сделав вид, что сосредоточенно изучает их расположение, выдал первое, что пришло в голову:

— Так, посмотрим... Путь твой будет гладок, совершенствование — успешным. Тебя ждут крепкое здоровье, долгие годы жизни и великая слава. А еще...

— А еще — самовольный уход из академии, нарушение дисциплины, ночные прогулки и распитие хмельного в неподобающем месте, — раздался от двери холодный, лишенный всяких эмоций голос. — Наказание: десять дней одиночного заключения и переписывание ста свитков с правилами.

Чэн Си застыл как вкопанный. Медленно повернув голову, он увидел стоявшего на пороге Цзин Сяоханя. На его голове красовалось широкое мули, скрывающее лицо, но по одной лишь напряженной осанке было понятно, насколько он зол. Выглядел он сейчас точь-в-точь как строгий наставник, застукавший нерадивых учеников на месте преступления.

<http://bllate.org/book/18408/1799575>